

СИМВОЛИКА НЕОПАЛИМОЙ КУПИНЫ В БИБЛИИ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XIX И XX ВЕКОВ

Г. В. Синило

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31, 220030,
г. Минск, Беларусь, sinilo@mail.ru*

В статье рассматривается символика Неопалимой Купины в тексте библейской Книги Исхода, в постбиблейской еврейской и христианской традициях, а также рецепция этого образа в русскоязычной поэзии конца XIX–XX веков. Показана архетекстуальная роль символа Неопалимой Купины и различные ее интерпретации в творчестве К. Фофанова, С. Фруга, К. Бальмонта, Г. Шенгели, М. Волошина, М. Цветаевой, С. Липкина, К. Михеева. Утверждается, что при всем разнообразии прочтений Неопалимой Купины у различных поэтов разных направлений сохраняются ее библейские основания: быть символом высшей духовности, Бога и человека, символом народа Божьего и нетленных ценностей культуры.

Ключевые слова: Неопалимая Купина; Библия; «осевой» архетекст; библейская архетекстуальность; русскоязычная поэзия; Константин Фофанов; Семен Фруг; Константин Бальмонт; Георгий Шенгели; Максимилиан Волошин; Марина Цветаева; Семен Липкин; Константин Михеев.

SYMBOLISM OF THE BURNING BUSH IN THE BIBLE AND RUSSIAN-LANGUAGE POETRY OF THE LATE XIX AND XX CENTURIES

G. V. Sinilo

*Belarusian State University, K. Marx St., 31, 220030,
Minsk, Belarus, sinilo@mail.ru*

In this paper, we consider the symbolism of the Burning Bush in the text of the biblical Book of Exodus, in the post-biblical Jewish and Christian traditions, as well as the reception of this image in Russian-language poetry of the late 19th and 20th centuries. We show the archetextual role of the symbol of the Burning Bush and its various interpretations in the works of K. Fofanov, S. Frug, K. Balmont, G. Shengeli, M. Voloshin, M. Tsvetaeva, S. Lipkin, K. Mikheev. We assert that with all the variety of readings of the Burning Bush, various poets of different trends preserve its biblical foundations: to be a symbol of the highest spirituality, God and man, a symbol of the people of God and the imperishable values of culture.

Key words: Burning bush; Bible; “axial” archetext; biblical archetextuality; Russian-language poetry; Konstantin Fofanov; Semyon Frug; Konstantin Balmont; Georgy Shengeli; Maximilian Voloshin; Marina Tsvetaeva; Semyon Lipkin; Konstantin Mikheev.

Нет никакого сомнения в том, что с распространением христианства Библия, перешагнувшая рамки породившей ее еврейской культуры, стала одним из самых влиятельных текстов обширного иудейско-христианского ареала — точнее, «осевым» архетекстом. Под «осевым» архетекстом мы понимаем древний текст, обладающий повышенной аксиологической значимостью и художественной ценностью, наибольшим индексом цитирования и реферирования, наиболее интерпретируемый, выполняющий смыслополагающую и текстопорождающую функции. Такой текст становится своеобразной «осью», вокруг которой та или иная культура выстраивает свои важнейшие смыслы, тем «кодом», который необходим для дешифровки и правильного понимания подавляющей части порожденных ею текстов. Например, для индийской культуры такими архетекстами стали Веды и «Махабхарата», для обширного мусульманского ареала — Коран, архетекстом для которого явилась опять же Библия.

Влияние Библии, и не только ее духовных смыслов, но и ее эстетики, поэтики, ее поэтического языка на европейскую культуру огромно. И оно особенно возрастает в трагические, переломные эпохи, эпохи кризиса сознания и переоценки ценностей. Многочисленные библейские мотивы, аллюзии, символы, пронизывающие европейскую культуру, особенно актуализируются в такие эпохи. Рассмотрим это на примере Неопалимой Купины — одной из самых уникальных теофаний, метафор Богоприсутствия, знаков, которые незримый, бестелесный Бог дает человеку на языке природных стихий, чтобы тот ощутил Его присутствие, настроился на диалог с Ним. Показательно, что для теофаний избираются только две из четырех стихий — огонь и воздух (ветер), вероятно, в силу их наименьшей вещественности и наибольшей динамичности, а еще потому, что обожествленные земля и вода слишком важны для языческого сознания, для культов плодородия и сексуальности, так или иначе находящихся в центре языческих культур. Как известно, греческое слово «теофания» переводится как «богоявление», и в греческих текстах (например, у Гомера) это и в самом деле явление того или иного бога в его подлинном облике. Применительно к абсолютно духовному Богу Библии это означает лишь знак, который Бог дает человеку, иницируя диалог с ним.

Одной из самых уникальных и наполненных многомерной символикой теофаний в Библии является Неопалимая Купина, открывшаяся пророку Моисею в момент его пророческого призвания (Исх 3). Напомним этот эпизод. События происходят через много лет после того, как Моисей был вынужден бежать из Мицраима (Египта) под страхом смертной

казни: спасая избиваемого до смерти раба-еврея, он убивает надсмотрщика-египтянина (подчеркнем, что это вынужденная мера ради спасения незащитного человека), а потом понимает, что именно этот раб и донес на него, ведь никого больше в той местности не было. Самое горькое для будущего пророка — осознание того, как глубоко рабство въелось в плоть и душу его народа. По-видимому, он уверился в бесполезности его освобождения и покинул Египет. Придя в землю мидьянитян (мадианитян), Моисей поселился среди них, женился на дочери мидьянского жреца Рэуэля (Рагуила; он же — Йитро, или Иофор) Циппоре (Сепфоре) и стал пасти его стада. У него родились сыновья, и, кажется, жизнь давно сложилась; ему уже 80 лет, то есть он перешагнул средний срок земной жизни в 70 лет. Но, как не раз демонстрирует Библия, человек в любом возрасте должен быть готов к тому, что ему откроется его истинное предназначение и жизнь его круто изменится (так, праотец Авраам заключил Союз (Завет) с Богом и отправился на Его зов в незнакомую ему землю Ханаан в возрасте 75 лет).

Однажды, пася стада у подножья горы Хорев, или Хорив (то же, что Синай; само слово *Хорив* означает на иврите «выжженный»), Моисей получает Божественное Откровение и пророческое призвание. Сначала Моисей увидел нечто необычное — невысокий колючий куст, объятый огнем, но не сгорающий, и подошел ближе, чтобы разглядеть это чудо, ведь в раскаленной пустыне этот куст должен был сгореть мгновенно, а затем услышал взывающий у нему голос Божий (так Господь сначала апеллирует к зрению, чтобы человек обострил свой внутренний слух; это еще раз подчеркивает, что библейская культура — преимущественно «культура слуха», вслушивания в Слово Божье, в то время как греческая — преимущественно «культура зрения»): «И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. // <...> И воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я! // И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. // И сказал: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх. 3:1–6; Синод. перевод). И далее разворачивается диалог между Богом и Моисеем, поражающий (при всей лаконичности) глубоким психологизмом. Будущий пророк — обычный человек, хотя и отличающийся особым чувством справедливости, необычайной скромностью и наделенный глубинным внутренним даром, который пока видит только Господь. Моисей понимает, какую тяжкую миссию возлагает на него Бог, и боится, что он не справится с ней. Именно поэтому он как минимум пять раз отказывается, предлагая Богу выбрать кого-то другого. Но Господь терпеливо вразумляет Своего про-

рока, понимая, что тот должен принять тяжкую ношу добровольно и нести ее до конца.

Что же увидел Моисей? Что представляет собой в самом прямом смысле несгорающий куст — Неопалимая Купина? По этому поводу у специалистов в области библейской ботаники существует множество версий, ведь в оригинале Книги Исхода фигурирует просто «куст» — *ḡa-snə*. Ныне исследователи склоняются к тому, что толчком к созданию образа Неопалимой Купины стал куст дикой малины или ежевики — той особой ее разновидности, которая растет в Святой Земле и листья и стебли которой настолько насыщены эфирными маслами, что могут вспыхнуть на ярком солнце. Еще в V веке это интуитивно почувствовал (а может быть, изучал на местности) создатель Вульгаты Иероним Стридонский, переведший *ḡa-snə* как *Rubus Sanctus* (лат. «святая малина»), что обусловило особые религиозно-духовные коннотации «малины» в западноевропейских художественных текстах (например, в поэзии великой немецко-еврейской поэтессы, одной из основоположниц экспрессионизма Эльзы Ласкер-Шюлер). В Синодальном переводе это слово вслед за Септуагинтой передается как «терновый куст» (для христианской традиции этот образ подкрепляется коннотациями, связанными с терновым венцом страданий Иисуса Христа). Однако и в Септуагинте, созданной александрийскими евреями еще до возникновения христианства, «терн» появляется потому, что такое понимание присуще значительной части еврейских толкователей. У М. Лютера Неопалимая Купина обозначена как *Dornbusch* («терновый куст»). Однако именно религиозная традиция наилучшим образом понимает, что смысл этого образа лежит не в области ботаники, но касается плана духовного, трансцендентного, который соприкасается с земным, материальным, проникает в него и возвещает Откровение.

Повторим: Неопалимая Купина — знак, который Господь подает Своему избраннику. Вот почему сказано: в огне явился не Бог, но Ангел Господень — *Мальах Адонаи*. Этот Огненный Ангел (Огонь, обнимающий куст), безусловно, символизирует Самого Бога, согревающего человека Своей безмерной любовью, но и карающего его за грехи; так и огонь: без его тепла не прожить человеку, но грозное пламя может обжечь. То же, что Господь открывает Себя в невысоком кусте, свидетельствует о Его всеприсутствии в мире. Агада сообщает: «На вопрос одного язычника, для чего Бог явился Моисею из куста терновника, рабби Йеѓошуа бен Карха сказал: „Для того, чтобы люди знали, что нет того места, на котором не почил бы Дух Господень, не исключая и терновника“» [1, с. 54]. Таким образом, Неопалимая Купина свидетельствует: Дух Божий скрыто присутствует во всем, что окружает человека, тем бо-

лее — в нем самом. Из этого вытекает, что Неопалимая Купина — сам человек, бессмертный дух, вложенный в него Господом. Это символ той духовности, благодаря которой человек выделяется из всего живого, символ нетленных духовных ценностей, и это значение стало общим для еврейской и христианской традиций, обрело универсальный смысл.

Еще одно значение знаменитого и таинственного образа было осмыслено в глубокой древности, с опорой на библейский контекст: Неопалимая Купина — сам еврейский народ, в унижении, в рабстве, в страданиях сохраняющий в душе пламя Божье — Его Дух. Мидраш поясняет, что, открывшись Моисею в малом кусте, Всевышний хотел укрепить дух пророка, показать, что и в рабском состоянии народ Божий не утратил душу живую, несломленность духа: «И ради того еще Господь явился Моисею в кусте горящем и несгорающем, что Моисей носил в душе страх за судьбу народа, которому, думал он, предстоит неизбежная гибель в рабстве египетском. Господь, показав ему огонь пламенеющий и куст несгораемый, сказал: „Подобно тому, как пламя это не в силах испепелить куст, так не в силах египтяне истребить народ Израильский“» [1, с. 54]. На протяжении долгой истории еврейского народа, особенно в постбиблейский период, во время двухтысячелетнего изгнания и жестоких гонений, он будет часто гореть в самом прямом и жутком смысле слова, сохраняя силу духа и верность Богу, являя собой Неопалимую Купину. С особенной силой трагизм и высота библейского символа раскрылась во время Холокоста, когда еврейский народ стал жертвой всеожжения (как известно, таково значение греческого слова *Холокост*), приносившейся самому жуткому идолу — идолу расы. Тем не менее, пройдя через огонь печей Освенцима и других лагерей уничтожения, еврейский народ выжил и сохранил свою веру.

Из древней еврейской экзегезы, собственно говоря, вытекает и христианская интерпретация символики Неопалимой Купины: она также символизирует неугасимый, неуничтожимый, вездесущий Дух Божий и дух человеческий, но еще и Богородицу, Деву Марию, родившую от Духа Святого Сына Божьего — Богочеловека, Мессию (Христа), в Котором, согласно формулировке Церкви, «нераздельно и неслиянно» соединились в полном своем проявлении Божественное и человеческое начала. Это толкование типологически и генетически связано с восприятием Неопалимой Купины как символа народа Божьего и со специфической метафорикой пророческих и апокалиптических книг, в которых Община Израиля (*Кнесет Йисраэль*) предстает в образе женщины, в муках рождающей Мессию. Несомненно, этот образ проецируется в христианской традиции на образ Матери Божьей, которая была и остается Девой после рождения Сына Божьего. В силу этого Неопалимая Купина выступает

как символ Непорочного зачатия и Святого Семейства. Именно поэтому в христианской иконографии Неопалимая Купина часто предстает как куст белых роз (белая роза — сакральный символ Девы Марии, ее чистоты и вечной девственности), охваченный пламенем, из которого вздымается фигура Богородицы с Младенцем на руках. Однако куст может быть и красным, и соединяющим в себе белые и красные розы. Красная роза символизирует и скорбящую Деву Марию, и принимающего муки во имя Спасения человечества Иисуса Христа.

Подчеркнем, что и в еврейской традиции роза — очень важный мистический знак, символизирующий Всевышнего, Его Шехину — пребывание в мире, особенно там, где страдают люди. Это также символ как мистической Общины Израиля, так и свершающего свой путь в истории народа Израиля. Таким образом, с символикой Неопалимой Купины тесно переплетается символика мистической Розы, что также находит многомерное отражение в мистической и светской поэзии иудео-христианского ареала.

Как показывают исследования, интерес к символике Неопалимой Купины, как и к библейским мотивам в целом, в европейской поэзии нарастает на рубеже XIX–XX веков, в эпоху кризиса прежних ценностей, когда Ф. Ницше провозглашает: «Бог умер». Однако в это же время рождается и противостоящая концепциям «смерти Бога» и «смерти человека» гуманистическая философия диалога, уходящая корнями в библейскую почву, в диалог между Я и Вечным Ты, особенно ярко репрезентированный в пророческих книгах. Образ Неопалимой Купины как символ Бога и человеческой духовности неоднократно встречается в работах основоположников философии диалога, немецко-еврейских философов-экзистенциалистов Франца Розенцвейга и Мартина Бубера, в свою очередь подпитывая художественную литературу. Наибольшую значимость образ Неопалимой Купины приобретает для символизма — как знак трансцендентного мира, как символ Девы Марии (например, у Стефана Малларме), а затем у экспрессионистов, особенно у Георга Тракля и Эльзы Ласкер-Шюлер. Чрезвычайно важна символика Неопалимой Купины для поэзии Райнера Марии Рильке, начиная с его «Часослова», созданного под знаком русской культуры, и до предсмертной «Элегии Марине Цветаевой-Эфрон», в которой души поэтов предстают как цветы «на том же неопалимом кусте» (перевод А. Карельского; в оригинале — “am Gleichen // unvergänglichen Strauch” [7, S. 843] ‘на том же непреходящем кусте’). Все это прямо или косвенно воздействует на русскую поэзию.

Однако и независимо от этого влияния русские поэты позднего романтизма и начинающегося символизма обращаются к образу Неопали-

мой Купины. Так, у Константина Фофанова (1862–1911), романтика, или, скорее, неоромантика, предвосхитившего некоторые тенденции символизма и даже модернизма, есть стихотворение «Неопалимая Купина», включенное в сборник «Библейские мотивы» (1887). Поэт входит в образ пророка, расцветивая при этом суровый библейский ландшафт яркими романтическими красками:

Я по пустыне шел. Вечерний небосклон
Мерцал румянцем предзакатным,
И воздух голубой был влажно напоен
Цветов куреньем ароматным.

В лиловой полумгле неровной цепью гор
Вдали дремал Синай маститый,
И вдруг заметил я сверкающий костер,
Багровым заревом облитый.

То пышный куст горел, горел и не сгорал,
И в Купине Неопалимой
Могучий голос мне отважно прозвучал:
«Ко мне, ко мне, неустрашимый!»

Я подошел к нему несмелою стопой
И, словно огненное знамя,
Слепя мои глаза, взметнулось предо мной
Костра трепещущее пламя.

И снова голос я услышал из огня,
Звучал он, полный вдохновенья:
«Я вождь нетленный твой — послушайся меня:
Дай бедной родине спасенье.

Ты слышишь плач и стон, то ропщет твой народ
Под тяжким игом фараона.
Есть путь перед тобой — веди его вперед:
Тебе Я буду оборона;

Я покажу тебе обетованный край,
Край вечной правды и святости.
Есть речь в твоих устах — иди и вразумляй,
Есть сердце — будь вождем отныне».

Таинственный глагол торжественно звучал,
Исполнен Божьего Завета...

А пышный куст горел, горел и не сгорал,
Вокруг роня искры света [4, с. 288–289].

Нельзя не почувствовать, что поэт, который вышел из социальных низов, много бедствовал и страдал, мироощущение которого окрашено особым трагизмом, резким дуализмом, обостренным чувством дисгармонии бытия и одновременно страстной жаждой гармонии, в творчестве которого подспудно звучат и социальные ноты, не просто создает парадоксальный библиейский эпизод, но через него выражает понимание предназначения поэта (в том числе и своего собственного), а также бедственное состояние родного народа и надежду на его освобождение и счастливое будущее.

Параллельно, в те же 80-е годы, к образу Неопалимой Купины обращается ровесник К. Фофанова и тоже поэт-романтик Семен Фруг (1860–1916), ставший основоположником русско-еврейской поэзии. Именно так позиционировал себя поэт, который писал по-русски, опираясь на традиции русской классической поэзии, но преимущественно на еврейские темы. Он обработал в стихах очень многие библиейские и талмудические сказания, писал и о современном ему состоянии еврейского народа, о его страстной жажде освобождения и обретения новой и такой древней родины в Земле Обетованной.

С. Фруг остро чувствовал свою связь с русской культурой, очень любил Россию, во многом ощущал себя русским: «Я — русский... С первых детских дней // Я не видал иных полей, // Иного не слышал напева. // Мне песни русской дорог был // И грустный лад, и юный пыл, // И вспышки сумрачного гнева» [5]. Однако родина слишком часто становилась злой мачехой для своих еврейских сыновей. Против евреев существовало целое законодательство, ограничивающее их в правах. Чтобы жить во внутренних губерниях, вне пресловутой черты оседлости, особенно в обеих столицах, требовалось особое разрешение, вид на жительство, который выдавался только «полезным» евреям — врачам, адвокатам, купцам первой гильдии. При этом периодически евреев выселяли из Москвы и Санкт-Петербурга. Сам Фруг подвергся такому выселению, и за него хлопотал К. Случевский, чтобы он смог вернуться в Петербург.

Начало 80-х годов XIX века было особенно трагическим для российских евреев: после убийства народовольцами Александра II в марте 1881 года по стране прокатилась волна еврейских погромов, которая растянулась до 1883 года. Это стало крахом надежд Гаскалы (еврейского Просвещения) на то, что открытость евреев другим культурам, частичная или даже полная ассимиляция, просвещение помогут решению еврейского вопроса, отменят антисемитизм. На деле чем больше образо-

ванные евреи входили в немецкую или русскую культуру, тем более нарастал градус ненависти, раздуваемой реакционной прессой, тем больше говорили о еврейском «засилье». В конце XIX века в Германии рождается расовый антисемитизм, исходящий из того, что евреи — абсолютно несправимая нация, несущая миру только зло и подлежащая уничтожению. Все это привело к отказу от идей Гаскалы и возникновению именно в России идей национального возрождения. Одновременно волна погромов привела к массовому исходу евреев из России, в том числе в Палестину, к святыням Сиона. Возникает движение *Ховевей Цийон* («Любящие Сион»), и наряду с Хаимом Нахманом Бяликом, великим поэтом-символистом, писавшим на иврите, Семен Фруг становится певцом еврейского возрождения.

В стихотворении «Несгораемый куст» С. Фруг проецирует современность на древние события Исхода из египетского рабства, размышляет о прошлом своего народа, его убогом и придавленном настоящем и выражает надежду на грядущее возрождение:

Еще неведомый избранник
И стройный юноша тогда —
Он пас в долинах Мадиамских
Йофора пестрые стада.
И было юноше виденье:
Он близ Хорива увидал
Терновый куст, огнем объятый, —
Но куст горел и не сгорал...
И из огня раздался голос:
«Скажи народу Моему:
Как ветер — тучу, Я рассею
Его души и скорбь, и тьму;
Я сокрушу его оковы,
Его скорбей низвергну гнет;
Из дома рабства в край свободы,
Ведомый Мною, он придет...»

Прошли века, тысячелетья...
Осиротел его народ
И без пути и цели бродит
Среди лишений и невзгод.
Весь Божий мир пред ним раскинут
Пустыней мрачной и глухой,
А все горит и не сгорает
Терновник старый и сухой —
Горит века, тысячелетья

И все стоит, и все растет...
Тот дивный куст — душа народа;
Судьба народа — пламень тот...
И может быть, бездушным пеплом
Давно бы стал народный дух,
Когда б огонь его страданий,
Огонь судьбы его потух... [2, с. 19].

Совершенно очевидно, что поэт опирается на древнее традиционное прочтение Неопалимой Купины как символа народа Божьего, в котором и в униженном, рабском состоянии горит огонь его веры, неизменной верности Богу и своему предназначению.

Эта же семантика отзовется чуть позже у русского поэта, переводчика, стиховеда Георгия Шенгели, у которого были еврейские корни и который много переводил еврейских поэтов. В его стихотворении «Моисей» читаем:

Ведя верблюда к водопою,
Минуя каменистый склон,
Неопалимой Купиною
Ты был навеки опален [2, с. 300].

Под пером Г. Шенгели Неопалимая Купина является символом силы духа, верности своему предназначению, символом поэтического дара.

Еще более дерзко осмысливает образ Неопалимой Купины старейший русский символист Константин Бальмонт, трансформируя крылатое выражение в «Купину огнепалимую»:

Купина огнепалимая,
Это сердце здесь, в груди,
Как вошел в огонь и в дымы я,
Так назад меня не жди.

Я горю в самосожженности,
В раскаляемой печи,
Чтобы яркие стозвонности
Миру бросили лучи.

Купина огнепалимая
И хранимая вовек,
Всем сердцам, как светоч, зрима,
Да не гаснет человек! [2, с. 289–290].

Как совершенно очевидно, Неопалимая Купина у К. Бальмонта становится в равной степени символом трансцендентной реальности, в которую входит поэт-пророк («в огонь и дымы» — так среди столбов дыма из горных расселин поднимается на Синай Моисей), и символом поэтического дара, самого поэта, дерзко бросающего миру «яркие стозвонности».

Годы Первой мировой войны вновь оборачиваются особой трагедией для евреев: их насильно выселяют из прифронтовой полосы, считая всех поголовно потенциальными предателями и шпионами, хотя многие из них воюют в русской армии. Вновь вспыхивают погромы, и, как всегда в такой ситуации, русские поэты возвышают свой голос в защиту гонимого народа, давшего миру Библию и Христа. В их числе — Марина Цветаева, которая в 1916 году пишет стихотворение «Евреям», где по своему трансформирует образ Неопалимой Купины:

Кто не топтал тебя — и кто не плавил,
О Купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос.

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! — Пророки! — Торгаши!

В любом из вас, — хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке —
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле — от края и до края —
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа! [6, с. 322].

Поэтесса напоминает о теснейшей преемственности, внутренней связи, общих духовных смыслах еврейской и христианской традиций, о том, что религия любви, каковой провозглашает себя христианство, не может утверждаться через ненависть к маленькому народу, тем более тому народу, который породил Христа. Цветаева говорит, что в мировой истории еврейский народ свершает путь гонимого и казнимого Христа, что убийство евреев и есть Его многократное убийство. Под ее пером возникает удивительная конвергенция еврейского и христианского сре-

зов символики Неопалимой Купины: «Купина неопалимых роз» — как напоминание, что сам еврейский народ и есть та Неопалимая Купина, подарившая миру Святое Семейство.

Символика Неопалимой Купины вновь актуализируется в кровавые годы братоубийственной гражданской войны в России. Особенно очевидно это в поэзии Максимилиана Волошина, который называет сборник 1919 года «Неопалимая Купина». В нем знаменитый библейский образ является символом духовной стойкости, неуничтожимости человеческого духа, символом нетленных ценностей культуры, бессмертия русской культуры: «Мы погибаем, не умирая, // Дух обнажая до дна. // Дивное диво — горит, не сгорая, // Неопалимая Купина». В стихотворении «Пустыня» из того же сборника вновь опорным образом-символом становится Неопалимая Купина, соединяясь еще с одной знаменитой теофанией — Огненным Столпом, которым Бог ведет Свой народ через пустыню:

Шел по расплавленным пустыням,
По непротоптанным тропам,
Под небом исступленно-синим
Вослед пылающим столпам.

А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звездном дереве времен.

И хоры горних сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой Купины [4, с. 536].

В интерпретации поэта Неопалимая Купина — знак трансцендентного Бога, символ некоего вечного мирового древа, «звездного дерева времен», на котором расцветают «пламена и лилии», символ самой трагической истории и надежды на то, что она имеет какой-то смысл. Для М. Волошина, как и для многих поэтов, Неопалимая Купина — символ пророческого видения, поэтического дара, самой поэзии.

Новый всплеск интереса поэтов к образу Неопалимой Купины возникает в годы Второй мировой войны и после нее. Через ее символику они пытаются осмыслить величайшую трагедию человечества, страшную гибель миллионов людей, в том числе и трагедию Холокоста, унесшего жизни шести миллионов евреев (из девяти), из них — полутора

миллионов детей. Под пером великих поэтов Нелли Закс, Розы Ауслендер, Пауля Целана Неопалимая Купина ассоциируется с огнем печей крематориев, со страшной жертвой всежжения, и одновременно является символом неугасимого Божественного огня, стойкости духа, неуничтожимости народа Божьего, неистребимости веры, символом любви и возрождения.

Параллель к этому находим в поэзии Семена Липкина (1911–2003), прошедшего Великую Отечественную войну, ставшего свидетелем трагедии Холокоста и ее замалчивания в Советском Союзе. В стихотворении «Моисей» поэт входит в образ великого пророка и его глазами смотрит на кошмарную историю «цивилизованного» мира:

Тропою концентрационной,
Где ночь бессонна, как тюрьма,
Трубой канализационной,
Среди помоев и дерьма,

По всем немецким и советским,
По польским и иным путям,
По всем плечам, по всем мертвецким,
По всем костям, по всем смертям

Я шел. И грозен, и духовен.
Впервые Бог открылся мне,
Сияя пламенем газовен
В Неопалимой Купине [2, с. 170].

Речь идет также о новом открытии Бога через страдания, как открыл Его заново некогда в эпицентре страданий библейский Иов.

Образ Неопалимой Купины становится архетекстуальным и в стихотворении «Кочевой огонь», в котором С. Липкин осмысливает судьбу еврейского народа, кочующего по миру и несущего в себе неистребимый духовный огонь, подпитывающего другие культуры:

Какая нам задана участь?
Где будет покой от погонь?
Иль мы — кочевая горючесть,
Бесплотный и вечный огонь?

Где заново мы сотворимся?
Куда мы направим шаги?
В светильниках чьих загоримся
И чьи утеплим очаги? [2, с. 167].

Перелом тысячелетий, рубеж XX–XXI веков вновь оказывается временем катастрофическим, временем обострения противоречий в мире и кризиса духовных ценностей, отчаянных поисков идентичности и духовных опор. Все это вновь обуславливает внимание к парадигме Исхода, понимаемого как преодоление инерции собственного существования, как путь навстречу Богу, внимание к образу Неопалимой Купины. Его по-своему трансформирует талантливый русскоязычный поэт Константин Михеев, живущий в Минске. Его стихотворение «Исход» написано в конце 90-х годов, когда он учился на пятом курсе филологического факультета БГУ. Опираясь на библейскую историю, поэт говорит о пути любого человека, любого народа к истинной свободе, к подлинной вере. Он то смотрит на эту историю со стороны, то становится ее участником, дерзко входя в образ пророка Моисея:

В лучах закатов, злобных и косых,
В песках пустынь, безмерных, как забвенье,
Дарован нам безжалостный язык
Обетования и Откровенья.

Не сорок верст, а сорок лет легли
Нам под ноги, и на губах бескровных
Цвел, обретая корни вне земли
Без устали пылающий терновник.

Средь безымянных скал самумом мчась,
Рисуя письмена морщин на теле,
Шли с нами вера, гнев и часть
Того, Кого мы вслух назвать не смели.

Пусть мой народ не мною был влеком,
Но я был с ним на той дороге торной,
Где резали заржавленным штыком
Хлеб, испеченный в топке крематорной.

Я был в рыданье первенцев и вдов,
В сердцах, что в исступлении дрожали,
В бесстрастном счете судеб и годов,
В мерцанье неба, в букве на Скрижали.

Блажен, кто видел Бога со спины.
Вдвойне блаженны души человечьи,
Что перед жадным взором сатаны
Ни веры не утратили, ни речи.

Но более их всех блажен лишь тот,
Кто почитал единственной наградой
Слова: «Вот я, вот мир, вот мой народ.
И вот мой Бог. И большего не надо».

Не люди, а столетья полегли
На рубеже Земли Обетованной,
Чтобы топтали кости их в пыли
Беспмятных потомков караваны.

Но человек пред Богом предстает,
Слух отверзая в час скорбей и бедствий,
И слышит: «Вот он, мир, вот твой народ,
Бери свой посох и за Мною шествуй» [3, с. 236–237].

Таким образом, на протяжении десятилетий и даже столетий образ Неопалимой Купины является востребованным в поэзии на русском языке, каждый раз наполняясь новыми и новыми смыслами, но сохраняя при этом свои библейские основания, имеющие универсальный смысл.

Библиографические ссылки

1. *Агада*: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей / сост. Х. Н. Бялика и И. Х. Равницкого; пер. С. Фруга. М. : Раритет, 1993.
2. *Менора*: Еврейские мотивы в русской поэзии. М. : Еврейский ун-т в Москве, 1993.
3. *Михеев К.* Стихи Мнемозине. М. : Новое знание, 2002.
4. *Поэзия Небес*: Бог и человек в русской классической поэзии XVIII–XX веков / сост. Д. Д. Галютин. СПб. : Библия для всех, 2000.
5. *Фруг С.* Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: Lib.ru/Классика: Фруг Семен Григорьевич. Стихотворения (дата обращения: 29.08.2024).
6. *Цветаева М.* Собрание соч.: В 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Т. 1. М. : Эллис Лак, 1994.
7. *Rilke R. M.* Die Gedichte / R. M. Rilke. 5. Aufl. Frankfurt a. M.: Insel Verlag, 2014.